

Кристина Рихтер

современный подростковый роман

ЗИМА,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

16+

Кристина Рихтер
Зима, которой не было

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рихтер К.

Зима, которой не было / К. Рихтер — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ева — не по годам развитая шестнадцатилетняя девушка, полностью замкнутая в себе. У нее нет друзей из-за скверного, как кажется окружающим, характера, а свободное время она предпочитает проводить за компьютером и книгами. Но кто же знал, что лишь одна случайная фраза, брошенная смазливym парнем на улице, сможет вывернуть жизнь героини наизнанку. А ведь она обещала себе никогда не влюбляться.

Содержание

Глава 1. Ева и попытки притворяться	5
Глава 2. Ева и любовь незнакомцев к рыжим волосам	7
Глава 3. Ева и кофе со вкусом легкого шока	12
Глава 4. Ева и разрушенные иллюзии	16
Глава 5. Ева и разрыв шаблона	20
Глава 6. Ева и старые новые знакомые	25
Глава 7. Ева и две новые проблемы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Ева и попытки притворяться

– Если ты будешь есть столько же, сколько обычно, то навсегда останешься такой же худой и маленькой.

Спасибо, папа. То, что нужно услышать асоциальной дочери перед первым занятием в новой школе. Умеет подбодрить. И, да, кто-нибудь, объясните ему, что от творага не потолстеешь. Даже если съешь его три центнера. И ведь не я придумала есть белое безвкусное месиво на завтрак. А отец продолжал свои рассуждения:

– Надеюсь, ты не занимаешься всякими современными глупостями вроде похудания или чего-то в этом роде...

Нет, пап, я не такая идиотка, как некоторые.

– А даже если и занимаюсь? – с вызовом поинтересовалась я, поймав на себе строгий взгляд. – Что тогда?

– Но я-то знаю, что не занимаешься, – отец протянул ладонь к моим волосам и аккуратно заправил выпавшую медную прядь за ухо.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Чтобы проверить, скажешь ли ты мне что-нибудь назло.

Я молча звякнула ложкой по пустой тарелке, залпом осушила свой стакан с приторным какао, а затем встала из-за стола и направилась к себе в комнату, лавируя меж картонных коробок, расставленных практически по всей квартире. Это был мой четвертый переезд за шестнадцать лет, и в глубине души я надеялась, что последний. Все бы ничего, но мне не нравилось паковать вещи, и потом еще целую неделю просыпаться, не понимая, где я. А вообще, я уже привыкла привыкать. Даже не удивлялась, когда отец заявлял, что мы будем пытаться счастья в новом городе или другом районе. Каждый раз что-то не получалось, и мы, словно кочевники, отправлялись на новое место. В этот раз я надеялась, что мы задержимся здесь хотя бы на пару лет: мне хотелось нормально сдать экзамены и наконец-то выпуститься из очередной грёбаной школы.

Мы жили вдвоём. Я и отец. Уже пятнадцать лет. Мне был всего год, когда мама решила, что в этом мире ей жить надоело и ее ждут более прекрасные вселенные. Нет, я не осуждаю самоубийц, ведь каждый волен распоряжаться собой, как пожелает, но, когда у тебя на руках годовалый ребенок, это превращается в сущий эгоизм. С послеродовой депрессией моя мать справиться не смогла, а отец, как мне кажется, до сих пор винит себя за то, что вовремя не смог помочь жене. Именно поэтому из врача-терапевта он решил переквалифицироваться в психологи. И пока, признаться, получалось у него скверно. Сейчас он нашел работу в районной неврологии, хотя не оставлял надежду привлечь клиентов и на дом. Я же давно решила для себя, что убеждать этого человека в чем-то бесполезно, поэтому занималась тем, чем мне нравилось, – сидела в своей комнате. Нет, конечно, сидела не бездарно: у меня был огромный список книг, которые стоило прочитать, целый перечень игр, которые нужно было пройти заново, и штук сто пятьдесят сериалов, которые я еще не видела. В общем, жила я пресно, но сносно.

Одевшись и взглянув на часы, я поняла, что не опаздываю. Жутко хотелось включить ноутбук и лечь рядом, забыть обо всем, поспать еще несколько часов с шумящей рядом техникой, но отец говорил, что мне нужно учиться. Естественно, я знала, что он говорит правильные вещи, но в глубине души сопротивлялась всякой системе: окончи школу, поступи в институт, получи диплом, устройся на работу, выйди замуж, выполни биологическую программу и наконец, прожив пару-тройку десятков лет, спокойно сдохни. Иногда я чувствовала, что доберусь до последней ступени, перескочив через остальные.

Рубашка, тесный пиджак, чёрные брюки. Я ощущала себя пугалом, когда выбиралась из удобных мне вещей. Воротник давил горло так, что казалось – меня вот-вот стошнит. «Волосы

не забудь собрать», – крикнул с кухни папа, и я с неохотой заплела их в неопрятную косу, тянущуюся ниже лопаток. Уже несколько лет обещала себе состричь надоедливую копну, но почему-то каждый раз жалела её: медные волосы были единственным, что досталось мне от матери. А остальное: светлые глаза, темные брови и ресницы, впалые щеки и острые, как лезвия, скулы, – было наследством отца. Он считал, что мы жутко похожи. Я тоже так думала, но особенно не гордилась этим. Как, впрочем, собой в целом.

Занятия начинались в половине девятого. Я вышла ровно в восемь, хотя могла и чуть позже: до школы, максимум, минут десять, если идти быстрым шагом. Но у меня были свои причины. Поздоровавшись с морозным январским утром, я зашагала через едва знакомые дворы, а стоило только отойти от дома на квартал, достала из кармана помятую пачку красного «Мальборо» и, в спешке прикурив, жадно затянулась первой сигаретой за день. И даже закружилась голова. Подобная привычка не отпускала меня уже целый год, начиная с девятого класса. В той школе у меня все-таки были люди, с которыми я иногда проводила время после занятий. Преимущественно в курилке. И преимущественно молчала. Но девчонки те остались в прошлом, а привычка перекочевала вместе со мной в другое место. Естественно, я знала, что папа расстроится, стоит ему узнать, но то блаженное чувство, когда никотин медленно, но верно убивает, я не могла променять ни на что.

Путь к школе проходил через большое современное здание с огромными окнами, выходящими прямо на проезжую часть. Мне было совсем не интересно, что здесь находится, но если я скажу, что не загляделась на него, то совру. Даже остановилась на несколько секунд, но, заметив, что дверьми то и дело хлопают смазливые парни, которые только что повылазили из дорожных машин, фыркнула и продолжила свой путь. Вот и школа. Обшарпанное пятиэтажное здание лососевого цвета с мутными разводами на фасаде. С той конторкой оно явно не шло в сравнение, но перешагнуть порог пришлось. И сразу взгляду моему открылась раздевалка, откуда жутко несло грязными носками и потными ногами. Если кратко, то просто кошмар. Я сбросила куртку, переобулась и направилась в нужный мне класс. В первый день после зимних каникул куча незнакомых людей выглядела отдохнувшей, а я, хоть ничего толкового и не делала, ощущала себя не выспавшимся офисным планктоном.

Учтиво постучавшись в класс, я толкнула дверь и узнала свою новую классную руководительницу: я уже видела эту женщину-бочку ранее, когда с отцом мы подавали сюда документы. Она сразу же узнала меня и улыбнулась так фальшиво, что у меня аж скулы свело. Но улыбку в ответ я все-таки натянула.

– Здравствуй, Ева. Как тебе школа?

Кроме вонищей раздевалки, я пока ничего не видела.

– Пока не поняла, но, надеюсь, разберусь.

– Ты рано. Уроки минут через десять начнутся. Думаю, стоит представить тебя классу.

Господи, я все равно не собираюсь ни с кем общаться.

– Если считаете нужным, – отозвалась я.

Вместе с Лидией Павловной (до скрипа ненавижу это имя) мы поднялись на этаж выше, в кабинет математики. Звонок уже прозвенел, и большинство моих новых одноклассников уже сидели на своих местах в предвкушении логарифмов и квадратных двучленов.

– Ребята, у нас с этого семестра новенькая, – начала классная наставница, подтащив свои сто сорок килограммов к доске. – Представься, пожалуйста.

– Доброе утро. Лаврентьева Ева. Буду учиться с вами, – лаконично и без всяких вступлений произнесла я. Присутствующие приятно засуетились: новенький в классе – всегда новость на вес золота.

В знак благодарности я кивнула Лидии Павловне в надежде, что та поскорее уйдёт. А сама заняла свободное место на предпоследней парте, которая пустовала. Самое ужасное – это попытки притворяться. Так и кажется, что вот-вот сорвёшься.

Глава 2. Ева и любовь незнакомцев к рыжим волосам

Весь урок я сидела как на иголках, то и дело ощущая на себе любопытные взгляды. По-моему, даже заплесневелым отличникам сегодня цифры были менее интересны, чем моя скромная персона. Глаза. Глаза повсюду. Но с самым похвальным старанием, едва не выворачивая шеи, смотрели на меня две девочки со второго ряда. Первая – брюнетка с жиденьким хвостом сожжённых плойкой волос. Вторая – шатенка со странным взглядом, который выдавал с потрохами ее «айкью» на уровне пластикового пакета. Я раздраженно вздохнула, покачав головой. Остальные ребята произвели на меня нейтральное впечатление – я никогда не пыталась ненавидеть кого-то намеренно. Всё приходит со временем, понимаете же.

О том, как зовут женщину, сорок минут плясавшую у доски, я так и не поинтересовалась. К слову, мне вообще было всё равно. За всю свою жизнь я знала столько скучных учителей математики (да и учителей вообще), что вряд ли вспомню каждого. И все они, включая эту, худую, как шпала, и визгливую, были мне одинаково неинтересны. Единственный урок, который я могла терпеть, – биология. И с надеждой я уповала на адекватного преподавателя в этой школе. В прошлом учебном заведении, помнится, наш учитель, совсем выживший из ума, рассказывал нам о вещах, с предметом связанных более чем посредственно: воду можно заряжать позитивной энергией, а Землю создали пришельцы. Вы знали? Нет?

Звонок заставил меня распрощаться с разрисовыванием клеточек на полях, и нехотя я поднялась со своего места. Я совсем не знала, куда мне идти и что делать. Вокруг всё было незнакомым, чужим и дико непривычным. Взглядом я вперилась в скользкую к выходу толпу, боясь потеряться и не найти нужный кабинет до начала следующего урока. По-хорошему, мне стоило с кем-нибудь познакомиться, но пока я точно не знала, я ли этого не хочу или окружающие. Пришлось поддаться течению и покинуть класс вместе со всеми. Но то, что произошло дальше, заставило меня полностью растеряться: толпа моих новых одноклассников раскалывалась на части, и каждая такая отколовшаяся компания отправлялась в противоположную от другой сторону. В других школах я хотя бы сразу пыталась завести знакомства, чтобы избежать подобных ситуаций.

Но меня кто-то решил спасти: на плече я ощутила руку и рефлекторно сбросила ее с себя, дернувшись. Затем обернулась. И стоит ли говорить, как не рада я была увидеть ту парочку подруг, которые меня плотоядно разглядывали целое занятие?

– Привет. Мы тут подумали, что надо с тобой познакомиться, – брюнетка изломила уголки губ в улыбке и сократила расстояние до непозволительно близкого. Я ненавидела, когда зону комфорта нарушали.

– Да-да, – начала поддакивать шатенка своей подруге.

«Ладно, – я попыталась взять себя в руки и заняться действенным самовнушением. – Эти барышни – не самая приятная компания. Но пока ничего лучше эта школа тебе не предложила. На первое время. Честно».

– Хорошо, – отозвалась я, стараясь сместиться в сторону и не мешать движению толпы. – Меня зовут Ева.

– Ты такая серьезная, – шатенка тоже улыбнулась. Мне была жутко неприятна ее щель между зубов, малиновые румяна и высокий голос. – Я Рита.

– Маша, – ткнула себе в грудь другая девушка.

Вы отвратительны, девочки.

– Очень приятно.

– Сейчас урок в 32. Кабинет чуть дальше. Пойдем с нами? – брюнетка вновь фривольно коснулась моего плеча.

Мысленно я застонала от разочарования.

– Откуда ты перевелась? – поинтересовалась Рита.

– Из девятой. Я училась в другом районе. Осталась бы, но через пробки ездить каждое утро очень утомительно, – у меня почти получалось поддерживать адекватную беседу. Вообще не сказать, что общаться я не любила, просто никогда не находила собеседника по душе. Сейчас, впрочем, очередной подобный случай.

– А почему переехали?

Какая тебе, чёрт побери, разница?

– Семейные обстоятельства.

– Понятно, – в унисон протянули мои новые знакомые. Обе они выглядели довольно дешево и как-то затаскано. Мне они не нравились. Совсем.

После окончания всех занятий я сфотографировала расписание у одной из одноклассниц и с облегчением подумала, что пытка шестью уроками уже закончена. Мысленно я уже лежала на кровати, лакала йогурт, а глаза мои следили за персонажами сериала. Но нет. Мое мучение общением продолжалось, хотя казалось, что за день эти девицы поинтересовались всем, чем только могли, начиная от состава моей семьи и заканчивая фирмой сумки.

– Ева, послушай, – в раздевалке со спины меня настигла Рита.

Я натянула шапку и вопросительно обернулась, изломив темные брови. Ох уж эта щель между зубов – королева всех щелей, наверное.

– Мы с Машей хотим после школы прогуляться...

– Я пас, – возразила я.

– Нет, ты не понимаешь, – в разговор вступила моя другая новая знакомая. – Мы идем к институту.

Вы и институт – вещи несовместимые, о чём бы речь ни шла.

– Куда? – переспросила я, аккуратно засовывая сменную обувь в сумку.

– Закрытый институт N, – отреагировала Маша так, будто я не знала, что дважды два – четыре.

– Зачем туда?

– Там учатся одни парни. Много парней. Богатых парней, – мечтательно произнесла Рита и протестно улыбнулась мне. – Пойдем.

Я же не такая, как вы.

– У меня много дел. Переезд, сами понимаете...

И тут в голову ударило. Институт. Одни лишь мальчики. К тому же, богатые. Уж не...

– Здание на углу, минуты три отсюда. Красивое такое, с большими окнами – оно? – вырвалось у меня. Я запомнила эту контору, как раз проходила утром мимо.

– Точно—точно, – закивали одноклассницы, накидывая куртки. – Так ты с нами?

Я ведь сказала «нет». Ваша болезнь вообще лечится?

– Увы.

– У тебя ведь нет парня?

Я покачала головой и покраснела. Точно покраснела. Какой стыд.

– Шанс найти. Точно тебе говорю, – заговорщически произнесла шатенка, наклонившись к моему уху.

Если честно, парня у меня действительно никогда не было. Но это вовсе не значило, что такой монстр, как я, не способен испытывать симпатию. Первый раз это случилось в классе шестом. Мне жутко нравился мальчик по имени Костя, такой же огненный, как я, до колик смешной, прирождённый лидер. Сколько длилось это великое и светлое чувство, я не помнила. Недели две. Может, больше. В конце концов, любовь моя куда-то испарилась. Второй раз это произошло в восьмом классе. Я была уже более мозговитой и что к чему знала: мальчики любят

высоких, стройных и пышнотелых. Парня звали Серёжа, и до сих пор я понятия не имела, чем он меня покори́л. После пяти месяцев страданий по его белокурой голове, зеленым глазам и стремительной походке я поняла, что положение безвыходное. Шансов у меня не было: Ева Лаврентьева никогда в почёте у парней не оказывалась. Но мне хватало взглядов и вздохов со стороны. Только вот когда я увидела его новую девушку, разочаровалась и в самом парне: с таким же успехом можно встречаться с геранью в горшке. И то, думаю, герань в состязании на интеллект победит.

Кое-как отвязавшись от назойливых одноклассниц, быстрым шагом я направлялась домой, минуя обшарпанные пятиэтажные дома, маленькие магазинчики и цветочные палатки. Наш район считался спальным, и здесь не было ничего такого, на чём можно было бы остановить взгляд. Разве что самое здание, которое вновь привлекло мое внимание. Я даже остановилась недалеко от ворот, за которыми тянулась тропинка к его дверям. Закрытый институт, значит. И чему там учат, интересно? Возле бордюра чередой стояли дорогие иномарки, которые, как я поняла, принадлежали здешним студентам, а за оградой толпились сами их обладатели. Пренебрежительно я фыркнула и продолжила свой путь. Коса, в которую были собраны волосы, неприятно давила и мешалась, отчего рывком я сорвала резинку и освободила их. Огненными волнами пряди рассыпались по плечам, и даже пришлось пригладить копну пятерней: обычно идеально гладкие, после косы они превращались в легкие кудри. И стоило только задуматься о чем-то своем (кажется, это был квест по освобождению заложников из крепости), как кто-то окликнул меня:

– Эй, рыжая!

Что за черт? Я невольно обернулась и глазами встретилась с незнакомым мне парнем. Он стоял в метрах десяти, облокотившись на металлическую балку забора. Лицо его показалось мне необычайно красивым: мужественное, но в то же время, сохранившее правильные черты. Темные, почти цвета гуталина волосы блестели на морозном солнце, а тонкие губы не покидала снисходительная улыбка. Я отступила и с ужасом потупилась, не имея понятия, как вести себя в данной ситуации. И чего ему от меня надо?..

Мне не хотелось показывать своё смущение, но щеки предательски зарделись. Пришлось лицом нырнуть в бесконечный чёрный шарф, развернуться и, словно по минному полю, зашагать домой. «Не оборачивайся, – приказала я себе, – не смей смотреть».

Чёрт, какой он красивый.

– Я не собирался тебя обидеть, – крикнул вслед он. Против своей воли я вновь повернула голову и, словно ослеплённая, прищурилась. Нет, конечно, прищурилась-то я от солнца, но можно было вообразить, будто от его внешности. И одет ведь со вкусом. Ему лет двадцать, уверена.

Я ускорила шаг, проклиная себя за то, что вновь взглянула на него. Теперь парень этот точно уверен в своей неотразимости и в моей бесконечной глупости. Странное дело: во всём я была человеком серьезным, почти каменным, но только дело доходило до противоположного пола, как превращалась в какую-то жалкую размазню. Вообще привыкла я только к юношам из сериалов и игр. Обычно они казались симпатичнее обыкновенных особей, да и чувство юмора у них было на порядок выше. Кажется, Костю в шестом я разлюбила именно из-за неудачных шуток.

Поднявшись на свой этаж и отперев дверь, я ввалилась в прихожую и съехала по стене прямо в одежде. В мыслях то и дело всплывало лицо того парня, его ухмылка и блестящие, покрасневшие от холода глаза. «Чёртов ублюдок», – со злобой выругалась я и пнула ногой стену так, что даже гардеробный шкаф зашатался. Это казалось довольно глупым, но нарушить привычный ход моего дня ему удалось. В животе заскулил щенок, и это было сигналом к тому, что нужно поскорее забыть о той минуте и сделать что-нибудь на обед.

Отец вернулся к семи. Я даже не услышала, как хлопнула входная дверь: слишком уж шумело мясо на сковородке. Все шестнадцать лет я была единственной женщиной в этой семье, поэтому уже привыкла, что готовка, уборка и прочие обязанности слабого пола лежат на моих плечах. Выполняла их механически и иногда казалась себе роботом-домработницей, которого в скором времени посулят изобрести всяческие НИИ. Но готовить мне очень нравилось. Втайне от отца я считала, что если образование за стенами школы продолжить не смогу, то непременно уйду в поварское дело. Он, мягко сказать, оказался бы фраппирован.

– Привет, милая, – макушкой я ощутила папино горячее дыхание, а затем поцелуй. – Что готовишь?

– Бефстроганов, – безучастно отозвалась я.

– И охота тебе возиться. Просто пожарила бы.

Я ничего не ответила, лишь краем глаза пронаблюдала, как отец уселся на стул в нетерпеливом ожидании ужина. Я смотрела на его печальные глаза, так рано седеющие тёмные волосы, которые, казалось, будто солью посыпаны, первые морщины у глаз и ссутулившуюся спину. И в такие моменты мне отчего-то было жалко совсем не его, хотя эгоисткой я себя никогда не считала. Иногда мне казалась, что в своем стремлении внушить ему что-то дельное я словно бью кулаками каменную стену. И когда ладони оказались стесаны в кровь, я прекратила попытки. Но это не значило, что мне уже не больно.

Мы поужинали практически в полном молчании, а когда я встала, чтобы помыть посуду, отец поставил греться электрический чайник.

– Чайку, Ева? – натянуто улыбнулся он.

– Нет, спасибо, – покачала головой я, наблюдая за прозрачной струей воды, ударяющейся о край керамической тарелки.

– Как школа?

Полный провал, папа.

– Всё отлично.

– Я не верю тебе, – зачем-то он пошел в наступление. Я знала, что он понимает, когда я лгу.

– Это твоё личное дело, – в попытках сохранить спокойствие отрезала я.

– Знаешь, – я предчувствовала заунывную историю. – А твоя мать никогда не лгала. Даже не пыталась...

– Мне тогда, может, тоже пачку "Феназепама" сожрать, чтобы хоть в чем-то на неё походить? – сорвалась я и едва не выронила скользкую чашку из рук.

– Ева, – без единой капли строгости протянул отец. Его глаза, серые, тусклые, уставшие, давили на меня упреком, – за что ты так со мной? Неужели ты ни капли меня не любишь?

Нет, папа, тебя люблю. Себя вот – не очень. Я предпочла промолчать, а он опять начал выявлять причину моей холодности несмотря на то, что я оставалась партизаном:

– Может быть, я покупаю тебе мало всяких женских штучек? Или у тебя нет того, что есть у остальных подростков?..

Матери у меня нет. Это точно.

– Мне кажется, ты слишком на мне зациклен, – покачала головой я, вытирая мокрые руки о кухонное полотенце. Затем я закрыла кран. – Ты никогда не думал переключить внимание на кого-то другого?

– Что ты имеешь в виду? – папа удивился. На секунду мне показалось, что щёки его порозовели от смущения. Действительно, если задуматься, то за шестнадцать лет я не знала ни об одной его женщине. Они вообще, интересно, были?

– Здесь ты – трудный подросток или я? – мои руки ловко расставляли посуду в сушилку. – Ты понимаешь, о чем я.

– Я вовсе не считаю тебя трудной...

Ну, конечно. А книжка «Как понять трудного подростка» у тебя на столе лежит для красоты?

– Не уходи от темы.

Чайник щёлкнул, и в тот же момент в кармане папиных брюк завибрировал телефон. Вольным жестом родитель наполнил чашку кипятком, бросил туда пакетик с чаем и, покачав головой в мою сторону, удалился в свою комнату. Интересно, книжки об общении с трудными взрослыми у него не завалялись?..

Глава 3. Ева и кофе со вкусом легкого шока

– Ева, тебе чай взять?

Я насупилась, спиной прижавшись к стене. Напротив меня, пожевывая жвачку и бессмысленно листая ленту «Инстаграма», сидела Рита. Я бы с удовольствием сказала, что румяна кирпичного цвета ей не идут – будто о гараж щеками потёрлась, – но мне было решительно всё равно, как она выглядит. Имело ли смысл сотрясать воздух?

– Да, без сахара, – крикнула я Маше, наблюдая, как локтями та расталкивает младшеклассников.

Через несколько минут брюнетка принесла три стакана, и, отпив из своего, я едва не поперхнулась: горло обжёг приторно-сладкий вкус общепитского пойла, который ещё и чаем называть не брежговали. Мгновенно я откашлялась и отодвинула от себя завтрак.

– Да, Ева, тут не кафе, – пожал плечами Рита, так и не оторвав взгляда от экрана. Затем она извлекла изо рта жвачку и без зазрения совести залепила ее под табурет, на котором сидела.

– В столовых чай один и тот же для всех, – закивала Маша.

– Гадость, – подобрал выражение помягче, заявила я. – Уж лучше остаться голодной, чем завтракать с таким.

– Ты худеешь? – наконец-то окинув меня взглядом, поинтересовалась Рита.

Да, чёрт возьми, эти две булочки я взяла для того, чтобы сбросить парочку лишних килограммов.

– Нет, – отмахнулась я. – Просто нет аппетита.

Мои подружки пожалы плечами и приступили к трапезе.

В последнее время меня много чего раздражало. Во-первых, эта школа, которая почти наполовину состояла из биологического мусора: малолетние идиотки, бестактное быдло, парни с лицами наркоманов, пристукнутые учителя. Естественно, от учебного заведения в спальном районе я не ожидала ничего большего, но если сравнивать с закрытым институтом N, то там контингент был мне ещё более омерзителен. Как раз это и было второй вещью, нервировавшей меня до зубного скрежета. Если бы у меня был шанс спокойно пройти мимо того самого здания, с этим можно было бы смириться – просто не смотреть на смазливые лица тамошних студентов. Но нет, Ева Лаврентьева не может не вступить в какое-нибудь дерьмо. Уже третий день подряд меня мучил странный незнакомец, которого я повстречала у того самого чёртова института. И если в первый раз он ограничился всего двумя репликами, то с течением времени становился всё настойчивее. «Эй, может, передумаешь? Рыжие классные», – заявил недавно он, за что получил от меня гневный взгляд. «Заводит, когда так злобно смотришь», – не унимался незнакомец. Кучка парней за его спиной обычно гоготала. Здесь я не стала себя сдерживать и в отместку наградила наглеца факом. Конечно, умей я драться, как настоящий рестлер или типа того, непременно бы набила ему рожу, но ростом парень был выше меня едва ли не в половину (да ладно, всего-то на полторы головы). В общем, связываться я не хотела, но и терпеть это тоже желанием не горела. На третий день я даже попыталась добраться домой другим путем, но по какой-то причине вышла в странные дворы, где начиналась частная территория и тупик. Пришлось возвращаться. Конечно, он все ещё стоял там: растягивал сигарету и удовольствие поиздеваться надо мной. «Что, передумала?» – с иронией спросил брюнет, видя, как я плетусь мимо. Ублюдок. Какой же ублюдок...

– Вон Леся, – Маша толкнула Риту под ребра. – Кстати, говорят, что она рассталась со своим парнем.

– Интересно, у них что-нибудь было? Мне кажется, она до свадьбы ему не даст...

Я подавила тошноту и всухомятку проглотила кусок пресной булки. Затем глаза мои скользнули в Алесину сторону. Мне она, признаться, была безразлична: невысокая, строй-

ная, со светлыми волосами, извечно заплетенными в пару кос, она выглядела как типичная отличница и просто нежное виктимное дитя. У нас с ней не было ничего общего. Абсолютно. За неделю своего тут пребывания я узнала, что девушка эта нравится большому количеству парней в школе (интересно, никто не подумал, что быть объектом вожделения здешнего контингента – это наказание за какие-то немислимые грехи?), многие ласково зовут ее просто Лесей. В принципе, мне этой информации было достаточно. Обсасывать чью-то личную жизнь я совсем не любила, зато мои подружки делали это мастерски. На медаль.

– А ты как думаешь? – поинтересовалась у меня Маша.

О, боже, почему я должна во всем этом участвовать?

– Об Алесе? – мои глаза скользнули в сторону смеющейся блондинки. Она поймала мой взгляд. Нехорошо. Тут же брови мои поползли к переносице, и девушка поспешила сделать вид, что ничего и не было. – Не знаю. Мне все равно, трахает её кто-то или нет.

– Вообще-то согласна с тобой. Должно быть всё равно, – поддержала меня зачем-то Рита. – Но, чёрт, интересно же.

Мне оставалось лишь пожать плечами и мысленно ответить: "Нет, неинтересно".

Через несколько минут по ушам ударил звонок, зовущий всех завтракающих на очередной урок. Я оставила свою булку недоеденной и двинулась вместе с толпой в сторону выхода. На мгновение я почувствовала, будто что-то жжёт спину, и, обернувшись, не ошиблась – на меня смотрела Леся. И, честно, взгляд её мне абсолютно не нравился. Слишком пристальный. Слишком... злой? Нет. Разве может эта щуплая прелестная девочка быть такой же злобной карлицей, как я? Исключено. Я покачала головой и вновь обернулась. Не смотрит. Думаю, в тот момент лишь показалось: стоит начать высыпаться, ведь четыре часа сна в день – разительно мало.

После школы я всегда курила. Но не прячась за забором, как остальные, а медленно прохаживаясь по узкому переулку по пути домой. Мне нравилось цеплять взглядом балконы здешних брежневских пятиэтажек. Все они были такие разные: от изысканно отделанных до отвратительно захламлённых. А мне всё приходилось представлять, какие в этих квартирках живут люди. Я никогда не отличалась богатым воображением, не была художественной натурой или, как это там называется, человеком тонкой душевной организации. Просто пыталась думать о чём-то отвлеченном – не о мерзопакостной школе, не об ограниченных подружках и не о чудном отце. Вот и сейчас, отшвырнув выкуренную сигарету в снег, я спрятала замёрзшие руки в глубокие, как Гранд-Каньон, карманы своей куртки и зашагала домой. Под ногами отвратительно хрустел снег, а я ступала все грубее и грубее, будто назло самой себе.

Когда я наконец добралась до здания Института (отныне я буду звать эту мажорную шарашку именно так), глаза мои устремились вперед – к воротам. Но возле них никого не было. Только кучки громких студентов толпились за решётчатым забором и возле дверей здания. В тот момент я тяжело вздохнула, но тут же испугалась собственной реакции: знаете, вздох этот показался мне не совсем облегченным. Я уловила в нем долю разочарования. Точно-точно. Это было оно.

Ева, черт бы тебя, что ты творишь?! Мысленно выругавшись, я, словно бык на корриде, носом выпустила пар и зашагала целеустремленнее в сторону дома. В животе от голода сегодня скулил не один щенок, а сто один далматинец: несъеденный второй завтрак давал о себе знать. Но мыслями за те двадцать секунд, которые требовались мне, чтобы полностью пройти мимо Института, я раз пятьдесят вернулась к тому факту, что сегодня тот самый парень меня не ждёт. Нет, конечно, отчасти мне было легче: не пришлось краснеть, злиться и всячески отнекиваться от его, как мне казалось, издевательского внимания. С другой стороны, под грудью заныло от мысли, что я стала ему неинтересна и безразлична. Конечно, дети богатеньких папаш: тачки,

как в «Форсаже», девушки с глянцевых обложек, деньги в каждом кармане и гадкое самодовольство пеной изо рта. Сегодня, уверена, у этого парня новый интерес. Как отвратительно.

Едва я сделала несколько шагов от здания Института, услышала знакомый голос. Сердце со всей силой ударило о ребра, и меня, по-моему, даже парализовало на долю секунды.

– Эй, рыжая!

Я стиснула зубы и, развернувшись, громко крикнула в ответ:

– Отвали!

Щёки мои заалели, и я еще больше сгорбилась, зашагав к дому. Нет, всё ещё издевается. Значит, не поостыл. Наверное, последний раз.

– Подожди, остановись...

Как же бесит.

– Пошёл к черту, – вновь прикрикнула на парня я и, обернувшись на три четверти, краем глаза заметила, что тот неотступно следует за мной.

Нет, Ева, не смотри на него. Он как Василиск.

Я рыкнула львицей и ускорила свои шаги почти до бега. А он не отставал. И все внушал: «Просто скажи, как тебя зовут. Может, я угадаю? Катя? Маша? Даша? Таня, может?» Как же достал. И было ли, о чём жалеть? Ветер швырнул мне в лицо клочья снега с козырька магазина. Я сощурилась и наконец-то дошла до перекрестка. Не любила это место за отсутствие дельного пешеходного перехода, но идти лишние двести метров до него мне было явно лень. Я огляделась по сторонам на наличие автомобилей. Чисто. Надеюсь, эта полоса шоссе отделит меня от моего преследователя. Пожалуй, стоит всё-таки освоить новые маршруты до дома.

– Почему не отзываешься? – голос за спиной. Такой бархатистый, сосем не резкий, но в то же время режущий воздух, как нож – масло. Я раздражённо накинула капюшон, а нога моя переступила через бордюр. Всего несколько секунд. Он же не собирается тащить за мной до самого дома? Пятью шагами я дошла до половины дороги и остановилась на разделительной полосе, пропуская перед собой вереницу машин. Но что-то заставило меня обернуться: сперва глаза мои заметили стремительно приближающийся джип, а затем их внимание переключилось чуть дальше. Парень ускорил шаг, совсем не видя угрозы, причём смотрел на меня так, что колени сводило. Мгновение, лишь шаг, и он окажется под колесами. И на все про все у меня была едва ли половина секунды. Сделай же что-нибудь, Ева!

Словно супергероиня из комиксов, я резко развернулась, двумя огромными шагами сократила расстояние между мной и навязчивым незнакомцем и толкнула его плечом что есть сил. Глаза рефлекторно закрылись, и я провалилась в темноту. Рядом безумно завизжали тормоза, и я услышала крик водителя. Затем кожей щеки ощутила что-то тёплое и щекочущее. И этим чем-то были черные, как графит, волосы. Того самого парня. Которого я, по-моему, только что спасла от смерти.

– Да что за хрень? – сорвавшимся голосом прокричал мужчина за моей спиной. Я постаралась приподняться, но это далось мне с трудом: от испуга мышцы будто от меня отделились. И лишь через усилие я смогла отлепиться от тела спасенного мной человека. И первым, что я увидела, были его широкие от ужаса глаза. Я ответила на его взгляд таким же ужасом. Секунд пять мы просто пялились друг на друга, пока водитель джипа вновь истерично не заорал:

– Вы целы? Никто не пострадал?

– Ты в порядке? – спросил меня парень. Я молча кивнула. Он продолжил, обратившись к мужчине: – Я тоже.

– Помощь нужна? – водитель начал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. На дороге медленно выстраивался караван автомобилей.

Одновременно мы покачали головами и вновь уставились друг на друга. Мужчина хлопнул дверью и завёл своего железного коня. Уехал. Вот так запросто, оставив меня один на один

с неминуемой бедой. Теплые пальцы коснулись моей щеки, и я наконец-то выпала из оцепенения.

– Теперь, может, скажешь, как тебя зовут?

Я чуть не сдохла из-за тебя, парень.

– Е-ева, – дёрнувшись, отозвалась я и тут же вскочила на ноги, начав отряхиваться. Приземлилась, к слову, я удобно – прямо на него.

– Артём, – ответил брюнет, привставая с земли.

Вокруг нас начали собираться зеваки.

– Если ты в порядке, то я пойду, – начала я серьёзно, но мой голос дрогнул. Отчего-то к глазам подступили слёзы. Я редко плакала. Почти никогда. Но здесь мной овладел самый настоящий шок, от которого я постепенно отходила.

– Зато ты не в порядке. Пойдем... Ева, – новый знакомый ухватил меня за локоть. Я даже не попыталась сопротивляться – только закрывала покрасневшие глаза рукавами. Даже не сразу почувствовала тепло и типичный запах автомобильного салона: лишь когда позволила слезам одной за другой спуститься по щекам, поняла, что нахожусь на переднем сидении незнакомой машины. Здесь сразу чувствовался лоск. Об этом почти кричали кожаные сидения иномарки. Я бросила взгляд на панель автомобиля, и в глаза сразу бросился логотип с четырьмя колечками на руле.

Чертов мажор.

– Ты только что мне жизнь спасла, – задумчиво произнес Артём, взглядом упершись в лобовое стекло. – Спасибо. Реально спасибо.

– Вроде как, – ответила я, утирая слезы рукавами. – Ты ведь из-за меня на эту дорогу полез.

– Я познакомиться хотел. Держи платочки, – растерянно юноша протянул мне упаковку. Я рефлекторно ударила его по руке и нахмурилась.

– Я не плачу.

Плачешь же.

– Но ведь...

– Никаких «но», – я свела брови к переносице, как строгая училка в школе. – И знакомиться со мной тоже не стоило. Настойчивость – не самое лучшее качество время от времени. Надеюсь, ты это понял.

Артём раздраженно вздохнул. Было видно, что он еле сдерживается, чтобы меня отсюда не выгнать. Даже его чудесное спасение злости не уменяло. Я бы тоже себя отсюда вытолкала. Непременно, если бы могла. Парень достал из бардачка пачку сигарет, распечатал ее и, открыв окно, закурил. Я последовала его примеру. И молчали мы до тех пор, пока последний из нас не отправил бычок в окно.

После сигареты я заставила себя немного успокоиться и тогда смогла получше разглядеть парня. Он сбросил куртку и остался в одной лишь клетчатой рубашке, ткань которой обтягивала мышцы. От него вкусно пахло какой-то невообразимой туалетной водой. Корица, апельсин... Голова немного кружилась. Из-под его рукава выскользнуло несколько черных полос на запястье, и я поняла, что Артём татуирован. Будем надеяться, что не тюремные партаки. Мне нравилась его причёска, простая, но стильная. Будь у него виски по-модному выбриты, я бы его и спасать не стала. Люблю, когда люди остаются собой.

– Может, кофе? – после минутного молчания спросил меня новый знакомый.

– Дорого же ты ценишь свою жизнь, – в шутку усмехнулась я.

– Возьму тебе еще брауни, так и быть, – парировал Артём.

В животе уже не заскулили, а завыли мои далматинцы. Обожаю брауни.

Глава 4. Ева и разрушенные иллюзии

Сто лет не была в нормальном кафе. Ну, сто не сто, а года три вполне. Конечно, иногда в спешке я забежала в тот же макдак, чтобы напихать фирменный бумажный пакет вредной едой, или легко перекусывала в какой-нибудь забегаловке торгового центра. Но так, чтобы настоящее кафе, где нос щекочет благородный запах свежесваренного эспрессо и сладкий аромат бесчисленных пирожных, – давно такого не было.

– Давай помогу, – с этими словами новый знакомый принял мою куртку из рук и аккуратно повесил ее на вешалку, стоящую недалеко от входа.

Чёртов джентльмен.

Я чувствовала себя крайне растерянной и, наверное, немножечко жалкой. Тут же я вспомнила, что сегодня утром впопыхах надела не самый лучший пиджак, какой у меня был, – старый, мятый, с множеством катышек на рукавах и замятой тканью на локтевом сгибе. В школе-то мне было всё равно, кто что скажет. Но сейчас, клянусь, под землю провалиться хотелось. Тем временем Артём начал раздеваться сам, что дало мне немного времени оглядеться по сторонам. Естественно, за деревенскую зеваку я сойти вовсе не хотела, отчего сделала вид, что безразлично занимаю место у окна. На самом деле я оглядывала помещение, то и дело обращая внимание на всевозможные детали: лакированные крышки столов из дорогого дерева так и манили провести по ним подушечками пальцев, окна украшали приятные тёмные занавески, своим цветом стремившиеся к бирюзе, мелодией сквозил ненавязчивый лаунж, а девушки-официантки здоровались с посетителями милыми улыбками.

– Что будешь? – спокойно поинтересовался парень, стоило ему сесть напротив меня. Я закрылась карточкой меню, лишь бы не видеть его лица. Стоит моим глазам встретиться с его, как тут же щеки приобретают розоватый оттенок. Не хотелось бы показывать свое смущение. Как дура, ей-богу. Какой стыд.

Довольно долго я скользила по списку из разных названий, утопая в собственном невежестве. Что такое гляссе? Чем простой латте отличается от того же латте макиато? Что за раф? Вдруг редкостная гадость. Может, в каком-нибудь маке кофе и полнейшая ерунда, зато я знаю, каков он на вкус. Да, как грязь с прокисшим молоком. Но знаю ведь. В ту же секунду я пожалела, что мы не поехали в какую-нибудь пиццерию.

– Что-то ты долго, – заворчал Артём, и кончиками пальцев попытался отодвинуть меню от моего лица. Случайно он легко дотронулся до моей руки, и я вздрогнула, едва не выронив карточку.

– Подожди, – как-то резко сорвалось у меня. Тут же юноша покачал головой, поджав губы.

– Возьми латте макиато. С кокосовым сиропом, – действительно произнес он. Будто догадался, что я ничего не соображаю во всем этом. – Теплый, сливочный, в меру сладкий, с эдакой экзотической нотой.

– Ты официантом никогда не работал? – с раздражением я выронила меню на стол и скрестила руки на груди.

– Нет, – отозвался Артём. А затем, как мне показалось, одарил ироничной полуулыбкой. – Я никогда не работал.

– Кто бы сомневался, – ехидно зашептала я, сдвинув брови к переносице.

– Что? – переспросил собеседник, посчитав, что не расслышал.

Боже, Ева, что ты творишь?

К нашему столику стремительно прошествовала официантка с натянутой резиновой полуулыбкой. Она встала в одном шаге от нас, вооружившись ручкой и блокнотом для записи заказа.

– Что желаете? – показная учтивость меня раздражала.

– Двойной раф с шоколадом и...

– То, что ты говорил, – подзабыв название, в смущении отозвалась я.

– Макиато с кокосовым сиропом. Тоже двойной. Ещё брауни. Это все.

Я согласно закивала, а затем взглядом проводила длинноногую официантку, чуточку позавидовав ей. Не совсем честно, что кому-то достается такая фигура, а кто-то в свои почти семнадцать выглядит как нескладный четырнадцатилетний подросток.

– Ну, расскажи о себе, – обратился ко мне парень, едва я вновь на него взглянула.

– Было бы о чём рассказывать, – замялась я.

– Ты спасла мне жизнь, – хмыкнул парень и засучил рукава. Теперь он постоянно будет это повторять? Глазами я поползла по его коже, изучая мелкие чешуйки изящных и мастерски нарисованных рыб, плывущих к локтям. Тонкая работа. И ему невероятно идёт.

Парень это явно заметил и с долей самодовольства спросил:

– Нравятся?

Я молча кивнула.

– Я тоже их люблю. Пришлось долго терпеть. Так, где ты учишься?

– В школе, – ответила я.

Через мгновение над нами нависла официантка, и в нос ударил сладкий аромат кокоса, смешавшийся с кофейным. Кивком головы я поблагодарила девушку, и та бесшумно смоталась обслуживать других клиентов.

– Тебе лет семнадцать?

– Почти.

Кофе и впрямь был очень вкусный. Я прикусила трубочку и взглянула на своего собеседника. Тёмные ресницы отбрасывали тень на его нижние веки, а блеск глаз напоминал мерцание самых дальних звезд. Ребята из сериалов, простите, но он лучше любого из вас.

– А мне девятнадцать. Уже, – Артём отпил из чашки, продолжив пристально изучать меня.

– Я думала, ты чуть старше, – замялась я, пытаюсь не размазать мягкое пирожное десертной вилкой по тарелке.

– Я не обманываю. Учусь в Институте. Второй год уже. Изучаю право. Пока нравится. А ты чем планируешь заниматься после выпуска? – юноша прощупывал почву общими темами.

– Пока не решила. Закончить бы школу. Я тут учусь недалеко. В семнадцатой. Это пять минут от твоего института. Скорее всего, в медицину пойду потом.

– Правда? Почему?

– Мой папа – врач. Психологом сейчас работает в больнице и подрабатывает частным на дому, – тут же я осеклась, решив, что не нужно слишком много болтать.

– Тоже хочешь быть психологом?

– Получше уж, чем отец, – пожалала плечами, а затем вновь ощутила, что забываюсь. С этим парнем было довольно спокойно и тепло.

– Уместно ли спросить, но вы не ладите?

– Нет, – замахала руками я и криво улыбнулась. – У нас все отлично.

Неубедительно.

– Тогда извини за любопытство, – парень подпёр подбородок ладонью и начал пристально изучать мое лицо. Я едва не затряслась от волнения. Его глаза скользили по моей коже, будто каждую клеточку изучая. Я, естественно, не выдержала и отвернулась. Знала, что буду выгля-

деть глупо. Иначе быть просто не могло. Но вместо того, чтобы удивиться, Артем мягко рассмеялся. В отместку я закрылась волосами и тут же почувствовала, что вовсе упала на дно позора.

- Ты такая скромная... – новый знакомый попытался дотронуться до моего запястья. Рефлекторно я отдернула руку, чем только подтвердила свое звание рыжей дикарки.
- Ладно-ладно, – парень вновь приглушённо рассмеялся. Какой же бархатный смех...

Если честно, я не верила, что такие парни существуют. Точнее, об их экзистенциальных возможностях я подозревала, но не могла осознавать, что они могут существовать и в моей жизни. Нет, поглядите, вот он – красавчик, богач, острый на язык, щедрый, тактичный и вежливый. Возможно, это сам господь Бог решил уже не мучить нас ожиданием второго пришествия, но перед большим замесом захотел еще немного побыть на земле. Жарко и холодно. Хочется пить, но в то же время вся и так истекаю. Кусочек пирожного прикасается к моим губам, и я смотрю на рот Артёма. Маленькая родинка у правого уголка.

– Ну как, вкусно? – внезапно поинтересовался мой собеседник, отчего я выронила вилку и сухо закашляла: кусок брауни застрял у меня поперёк горла. Тут же я протолкнула его глотком кофе и, отдышавшись, закивала головой.

Второй раз за день чуть не отбросила коньки. Удачно я сегодня вышла из дома.

– А чем ты увлекаешься, Ева? – пытался развить никак не клеившийся разговор мой знакомый.

– Сериалы, игры, книги, – я не стала врать. Никогда не пыталась казаться кому-то лучше, чем я есть. Парень сочувственно закивал головой, а мне оставалось лишь раздражённо выдохнуть и скрестить руки на груди. Обычно люди принимали в штыки слова о моих увлечениях. Будто всем сердцем они ждали какого-нибудь нежного лепета о вышивании или цветоводстве. – А ты?

– Ну, музыка вот. Гитара. Что думаешь?

– По-моему, классно, – пожала плечами я.

– Ага, – разом заулыбался Тема. – Детская мечта была – группу собрать. Сейчас я уже стар для этого. Дома иногда играю для себя. Еще хожу в зал. Друзья, вечеринки. Тебе они нравятся?

Я решительно покачала головой в ответ.

– Ну, хорошо, не будем о них. Напишешь, как тебя вконтакте найти?

– Без проблем, – закивала я и лишила блокнот одного из листов. Затем я вооружилась ручкой.

– Ева, – это я знаю. – Парень довольно усмехнулся. – А дальше?

«Лаврентьева» – рядом с именем ровно вывела я и засунула листок под чашку своего собеседника.

– Спасибо. Я схожу и попрошу ещё сахара. Мне, видимо, поскупились положить. Не могу так. Гадость гадостью.

С этими словами парень встал со своего места и окинул меня взглядом своих потрясающих глаз. Темно-серые, окаймленные желтоватым ободком с тысячей золотых нитей, тянущихся к зрачку. Я могла вечно смотреть на него. Если бы только остановить этот момент. Но нет – парень снисходительно улыбнулся и стремительно направился в сторону бара. А я всё смотрела ему вслед, спрашивая, как такой молодой человек вообще на меня повёлся. Я-то ни кожи ни рожи. Без денег, без пытливого ума и выдающихся способностей действительно выгляжу как очередная ороговевшая мозоль на теле мира: вроде не мешаю, а толка и эстетики ноль. То ли дело девушки красивые. Вон как та, длинноногая, через несколько столиков от нас. Погодите, она разговаривает с Артёмом? Поцеловала его при встрече и мягко рассмеялась?

Моментально я изменилась в лице, но продолжила свое удивительное наблюдение. Незнакомка была поистине хороша: высокая, стройная, с осиной талией, на которой затягивался узкий кожаный ремень. Её глянцевые золотые волосы струились по плечам, пытаясь дотянуться почти до бедер, а огромные глаза, над которыми изящными дугами красовались ухоженные брови, смотрели на моего нового знакомого с удивлением и некой приветственной радостью. Она фамиллярно похлопала его по плечу, а затем, обхватив за запястье, немного отвела в сторону. Она говорила, вновь говорила, слушала, как отвечал ей Артём, кивала, улыбалась в ответ и вновь бесконечно говорила. Я смотрела на экран телефона. Минута, две, три. Улыбка девушки ослепляла. Её тонкая изящная ручка легла на плечо парня, затем – будто погладила. Рваным взглядом прикоснувшись ко мне, Тёма дал знак, что скоро подойдет. Затем его глаза вновь принадлежали ей. Меня медленно душило осознание того, что если сравнивать меня с этой девушкой, то это словно бриллиант и галька. И сравнение, прошу заметить, не в мою пользу.

Как ты вообще могла решить, что способна понравиться такому парню?

Конечно. Низкорослая, худая, с детским лицом, я не оправдываю стандартов красоты таких, как мой спаситель. Его широкий жест пригласить меня сюда был только благодарностью, а тогдашние попытки завести знакомство – обыкновенной издевкой.

Я вновь измученно взглянула на Артёма: по-прежнему увлечен беседой. Во время разговора со мной он ни разу не улыбнулся так широко и ярко. А с ней он всего... три минуты, а уже светится, как золотой поднос. Не выдержав такого унижения, я поднялась со своего места, схватила с вешалки куртку и несколькими шагами, стараясь не оборачиваться, добралась до выхода. Я спасовала. Просто взяла и спасовала, сколько ни пыталась внушить себе, что я все та же сильная, непоколебимая Ева Лаврентьева. Не сбавляя шаг, я пересекла улицу, почти на бегу застегнула молнию и пуговицы, затем скрылась в одном из дворов. Мне было настолько стыдно за это недоразумение, что я будто впитала в себя глупость всех дур этого города. Но вернуться и что-то придумать не хватало совести и фантазии. К тому же я чувствовала себя униженной и подавленной красотой той девушки. Нет, даже не её красотой, а взглядом Артёма на эту самую красоту. После неё я смотрелась бы крайне блёкло и невзрачно. Не хотелось портить впечатление. Я всего лишь школьница-мизантроп. С такими не случаются сказки.

Руки судорожно нащупали в кармане пачку сигарет и облезлый лиловый «Крикет». С жадностью я закурила и, пуская дым в светлое январское небо, почувствовала, как к подбородку тянется слеза. То ли дым резанул глаз, то ли обида – душу. Чёрт знает. В любом случае, вот так вот рушатся иллюзии и заканчиваются странные знакомства. Больше никогда его не увижу, даже если мне придётся идти до дома полдня.

Глава 5. Ева и разрыв шаблона

Первое, что я сделала, едва добравшись домой, – удалила свою страницу в социальной сети. Удалила без сожалений, без колебаний и каких-то надежд. Я прекрасно помнила, что тот пресловутый листочек с моим именем остался под чашкой нового знакомого, и теперь отыскать меня в интернете не составит труда. Конечно, Артёму вряд ли захочется это делать после моего ухода по-английски, но доля сомнения меня одолевала. Перестраховка никогда не повредит.

День не задался с самого утра, но к вечеру, вроде, всё устаканилось. Меня окутывал полумрак тесной квартиры – в такой атмосфере заниматься самоедством было раз в сто приятней. Но я твёрдо решила, что это на пользу мне не идет. «Не получилось так не получилось. А что ты хотела?» – мысленно я гладила себя по головке, стараясь вытеснить из памяти кадры неудачной среды. Но, что бы я ни пыталась делать, ничего не могло меня увлечь: смысл книжных строчек исчезал, интернет казался пустым, а от одних и тех же игровых квестов было уже тошно. «Не думай о нем. Просто не думай», – вновь самовнушение. Лицом я раз пятьдесят утыкалась в подушку, но такой способ расслабиться помогал только героиням сериалов. Я не такая везучая, и моя жизнь длится больше сорока минут экранного времени. В большей степени я чувствовала стыд за собственную нелепость, а не за какую-то романтическую тягу к парню. Нет, он, безусловно, классный, всё такое, но проще поверить в рептилоидов, правящих нашей планетой, чем в любовь с первого взгляда. Да и вообще, для себя я давно выделила одно отличное правило, чтобы избежать проблем:

Никогда. Никогда. Никогда не влюбляться.

После нескольких часов раздумий и кусания губ я достигла предела. «Просто нелепая ситуация! Вы больше не увидите. Точно-точно!» – внушая это, произнесла я. И, знаете, помогло. Минут через десять я остыла и принялась за уроки. Грёбаная школа превыше всего, как же иначе.

Два дня я очищала свою голову от всяких мыслей о той самой злополучной среде. Конечно, мантры я не мычала, в позе лотоса не сидела и в астрал не выходила. Но каким-то сказочным образом вышло недурно. Я бы от гордости дала пятюню самой себе, но тогда из интроверта с социофобскими наклонностями пришлось бы переквалифицироваться в обыкновенного шизофреника и стать клиенткой своего отца. А съехать с катушек пугает не так сильно, как час в кресле перед «дипломированным психологом».

– Давай там, постарайся, – папа легонько обнял меня, и я обмякла. Глаза мои в это время скользнули к настенным часам, и я поняла, что опаздываю в школу. Но выпускать родителя меня из объятий не спешил – с самого раннего утра я заметила его отличное расположение духа.

– Что случилось? – поинтересовалась я и под предлогом беседы выбралась из-под отцовых рук. – Ты какой-то весёлый сегодня.

– Ну, есть немного, – улыбнулся он. С гордостью. По работе значит.

– Рассказывай уж, – вздохнула я, присаживаясь у двери, чтобы обуть ботинки.

– Наконец после долгого перерыва я возобновляю приём как частный специалист.

По-моему, ты можешь только усугубить ситуацию своего клиента.

– Ого, поздравляю, – без единой эмоции произнесла я, затягивая шнурки.

– Ты не рада за меня? – отец явно взгрустнул. Его брови изогнулись, а уголки губ вернулись в обыкновенное положение.

– Нет, это очень круто, – вновь безо всяких восторгов произнесла я. Затем накинула куртку, не глядя обмоталась шарфом и увенчала голову безразмерной шапкой. – Но мне уже пора. Удачно поработать.

– Приноси одни пятёрки, дорогая.

– Да, обязательно, – ответила я, хлопнув дверью.

До школы я уже второй день добиралась новым маршрутом. Ну, как сказать, новым. Я просто садилась на автобус и проезжала одну остановку. Наверное, кондуктор и пассажиры считали, что я инвалид какой-то или в край обленившаяся школьница. Но мне было всё равно на их домыслы. Стараясь не поскользнуться, я выбежала из транспорта и, скрывшись за углом, закурила. Сегодня день был по-особенному морозным, что меня не на шутку удручало. От холода вечно слезились глаза и конечности деревенели. Но еще более грустным фактом было то, что моя утренняя сигарета была последней. Растягивая удовольствие, я простояла около двух минут, окутанная дымом. А затем, мысленно попрощавшись с пачкой, которая подарила мне столько расслабляющих минут, поплелась в сторону школы.

Как и всегда, нудные часы в кабинетах. Шесть уроков и четвёрка за контрольную по геометрии. Я ни капельки не старалась, должна признать, но все равно было немного обидно. К концу третьего занятия я уже чувствовала себя выжатой, как лимон, а разговоры моих новых подружек заставляли деградировать. Мне вообще-то было наплевать на то, что у Ленки уродливые туфли, а какой-то Рома наконец трахнул свою новую девушку, но беседы я обычно поддерживала унылым киванием. К середине обществознания казалось, что мозги просто кипят от шёпота и хихиканья на задней парте.

– Можно выйти? – подняла руку я, и худая, как шпала, училка снисходительно позволила мне удалиться.

Я шагала по пустым коридорам, то и дело отмахиваясь от назойливых медных прядей, атаковавших мое лицо. В кабинетах стояла тишина, и только голоса преподавательниц смешивались в какую-то нелепую какофонию ненужных знаний. Я свернула в сторону туалета, перепрыгнула через порог и встала возле широкого зеркала, нависавшего над парой умывальников. На самом деле никакой нужды я не испытывала, но казалось, останься я в классе еще хоть на минуту, расчленила бы всех присутствующих. Еле слышно вздохнув, пятерней я расчесала волосы и очень внимательно взглянула на свое отражение. Синяки под глазами уже были готовы стекать по щекам, а волосы отчего-то торчали в разные стороны, будто меня раз десять шибануло током, как в идиотских мультфильмах. Отдышавшись, я уже собиралась уходить, как вдруг со стороны кабинок услышала какой-то шум.

– Да мне вообще-то плевать, кто там что говорит... – я услышала девичий голос. Он не был мне особенно знаком, но почему-то было ощущение, что я его слышала однажды. – Она сама мне рассказывала, что у них порвался презик прямо в тот момент, когда он кончил. Нет-нет, у меня такого не было.

До меня донесся искореженный тихий смех.

– Да, в школе. Еще один посижу и свалю... – продолжала свой разговор девушка. – Я перезвоню тебе. Выходные будут нашими. Сегодня, надеюсь, успею сделать мерзкое эссе.

Дверь кабинки со скрипом отворилась. Я поняла, что была здесь лишней, но ноги одеревенели. Да и сваливать было поздно. Внезапно я услышала, как девушка выронила телефон, а затем, подняв его, вновь выругалась: «Вот дерьмо». Всё это время я представляла какую-нибудь потасканную одиннадцатиклассницу с пережжёнными белыми волосами и макияжем в стиле проститутки из пятого квартала. Но едва из-за угла показалась сама виновница разговора, я потеряла дар речи.

Первые несколько секунд Леся тоже смотрела на меня с крайним удивлением. Ставлю почку на то, что она не знала о моем присутствии. Но, быстро взяв себя в руки, она, будто меня не видя, подошла к умывальнику. Я отступила, сделав вид, что отрываю бумажное полотенце. Вода зашумела. Я обернулась, чтобы вновь удостовериться, что это она. Без сомнений. Отличница и до крайней степени милая девушка только что открылась передо мной в ином свете.

– Чего пялишься? – искривила уголки губ Леся, ответив сверлящим взглядом.

– А ты, что ли, диктуешь, куда кому смотреть? – не растерялась я, кидая скомканный кусок бумаги в мусорное ведро.

Леся не ответила и, демонстративно развернувшись, вышла из туалета. Нет, её образ совершенно не вязался с тем разговором. Может, её тело захватили пришельцы, или это её злобная сестра-близнец? Окей. Я тяжело вздохнула и, дождавшись, когда девушка уйдёт подальше, вернулась в свой класс.

Все остальные уроки я сидела, полностью погруженная в себя. Говорить обо всем подружкам не хотелось – я не была уверена, что это вообще нужно. Ну да, притворяется Леся милой школьницей, получает хорошие оценки, правит сердцами местных гопников. Но мне-то какое дело? Пусть себе делает, что хочет. Ведь лицемерия и мне не занимать, хотя до такой степени, как та, я обнаглеть не успела.

Звонок с последнего урока заставил мое сердце вознестись на небеса от райского наслаждения. Даже настроение поднялось, отчего я стала лояльнее к подружкам.

– Я страницу удалила, – сообщила я им, пытаясь не выдать какого-то негатива, с этим связанным. – Пишите в ватсап. Ну, или смски на крайняк.

– А что случилось? – Рите обычно любопытства было не занимать.

– Да так, – загадочно отмахнулась я.

– Так, погодите, – Маша взяла ситуацию под контроль. – Это связано с парнем, да?

Мы так медленно одевались, что в раздевалке почти никого не осталось.

– У тебя, что, парень появился? – Рита почти взвизгнула от удивления.

Почему-то в этот момент мной овладел дьявол. Я победно ухмыльнулась, медленно развернулась к девочкам и со скукой в голосе объявила:

– Да, привязался тут один.

– И что? Вы встречаетесь? – Маша не отставала.

Я захихнула сменку в сумку и таинственно пожала плечами. Надо ли говорить, как у этих дурочек захватило дух.

– Завтра расскажешь? – хлопнула меня Рита по спине. – Мы на курсы опаздываем.

– Возможно, – вновь я сопроводила свой ответ снисходительным пожатием плеч. – До завтра.

– Пока! – со вздохами Маша и Рита помахали мне и молниеносно выбежали из раздевалки. Я обмоталась шарфом и тут же почувствовала уныние: «Зачем я это всё наговорила?..»

Стоило покинуть здание школы, как мороз остервенело впился в щеки. Я терпеть не могла январь. Вместе с февралём и декабрём. Март тоже иногда попадал в немилость, если очень снежил. Но нынешний период был самым отвратительным за всю зиму. Минус пятнадцать, рассыпчатый снег и сугробы моего недовольства. Я брела домой, взглядом уткнувшись в носы своих ботинок, будто на свете не было ничего интереснее царапин на желтоватой замше. Мною овладела какая-то жуткая меланхолия и отвратительное чувство стыда. Мало мне шока с Алесей, так ещё и сама себя потом подставила. Кто меня вообще за язык дёргал такое говорить? Сушее враньё. Если Артём и вспоминает обо мне, так только в ночных кошмарах.

Разволновавшись от своих же мыслей, машинально я потянулась за пачкой сигарет, но тут же простонала от разочарования. Они закончились ещё утром. Мне очень хотелось поскорее выбраться из этого зимнего ада и оказаться дома, но желание курить резало горло и подстёгивало бежать в сторону ларька. Минут через пять я уже постучалась в окошко и нетерпеливо произнесла:

– Красный «Мальборо», пожалуйста.

– А лет-то тебе сколько? – скептически повела бровью продавщица, оценивая меня.

– Восемнадцать, – с наглечой заявила я, но в ответ услышала монолитное: «Паспорт».

– Я не ношу с собой документы.

Тщетное наступление.

– Паспорт, – вновь произнесла женщина, чем разозлила еще больше.

– Вы не можете на слово поверить? – я начинала вскипать.

Внезапно на своем плече я ощутила прикосновение чьей-то руки. Первое, что пришло в голову, – отец. Но нелепость этой мысли я отбросила и обернулась.

– Помочь?

За моей спиной стоял Артём. Я буквально шарахнулась и глотнула воздуха. Парень тут же опустился к окошку и произнёс:

– «Мальборо», красный.

Прекрасно. Прекраснее быть не может.

– Как вообще получилось, что ты здесь оказался? – поинтересовалась я, позабыв обо всех своих желаниях.

– Следил за тобой, – без зазрения совести признался парень и протянул мне пачку сигарет.

– Как чёртов сталкер²? – возмутилась я.

– Именно.

Если я побегу, это будет слишком нелепо?

– Ладно, – я отмахнулась от подачи, но потом сообразила. – Одну возьму.

Артём ловко распечатал пачку, и дрожащими руками я вытянула сигарету.

– Я машину оставил недалеко. Может, поговорим?

Я жадно прикурила трясущимися от холода и волнения руками. Чего ему нужно? Посмеяться решил? Сегодня он был ещё красивее, чем тогда: от яркого солнца его тёмные волосы блестели, а красивые холёные руки были белыми, как снег.

– Я не хочу, – ответила я. И тут же задалась вопросом: а не лгу ли я самой себе?

– Ну же, – юноша нахмурил тёмные брови, насквозь пронзая меня своими серыми глазами.

Я медленно покачала головой. Уголёк истлевшей сигареты приземлился на ботинок, и неловким жестом я стряхнула его. Говорить было о чём, я знала. Но не хотела.

– В тот день ты так неожиданно сбежала, – от холода студент переминался с ноги на ногу. – Я даже и узнать тебя толком не успел.

Тут я начала медленно краснеть. Боже, я сейчас могу говорить о чём угодно: о теории струн, о предпосылках к возникновению Африканских государств, о теоремах и прочей лабуде. Но не о том, почему тогда я деранула из кафе. Тогда, собравшись с духом, я затынула и как можно чётче произнесла:

– Мне с тобой было неинтересно.

– А? – удивился парень.

Я входила в раж:

– Ты скучный. Очень. И мы слишком разные, чтобы общаться. Кроме того, мне неприятны такие люди, как ты. Поэтому... Поэтому оставь меня в покое.

Со всей силой я швырнула окурок на землю, и он провалился в сугроб. А я тем временем зашагала прочь, стараясь не обернуться. Щёки жгло от стыда, но я не могла позволить себе поступить как-то иначе. Пусть он лучше думает, что неприятен мне, чем знает о том, что я спасовала перед малейшей преградой.

– Подожди, – в спину я услышала крик. И, сама не зная зачем, обернулась. Ветер подхватил мои волосы и хлестнул меня ими по лицу, отчего я почувствовала ещё более жгучую боль.

Мне казалось, что ещё минута рядом с ним – и я влюблюсь.

¹WhatsApp – мессенджер для смартфонов. Позволяет пересылать текстовые сообщения, изображения, видео и аудио.

²Сталкер – сталкерами называют психопатов, которые маниакально кого-то преследуют и донимают.

Глава 6. Ева и старые новые знакомые

Любить безраздельно, любить безрассудно. Ну разве люди так могут?

Я накрыла лицо книгой и вздохнула, как отпахавшая по полудню лошадь. Сто страниц были проглочены мной за час с лишним, и теперь я боролась с желанием спать и продолжить чтение. Чтобы не терзать себя, я выбрала иной вариант: едва слышно я выскользнула из комнаты и на цыпочках отправилась на кухню. Время давно перевалило за полночь, в гостиной шумели фанаты на трибунах, а двадцать два человека с усердием гоняли мяч по полю. Отец был так увлечен футболом, что не заметил того, как беспощадно я разоряю холодильник. Ложкой без наслаждения я черпала шоколадную пасту, сидя на полу и спиной облокотившись на шумящий агрегат. В ушах тоже шумело. Типичные выходные, типичная Ева. Что-то внутри меня так расшаталось, что я не верила в то, что вообще доживу до утра. Стоило слепить веки, как я слышала голос Артема и видела его серые глаза. Такие глубокие, что я хотела утопиться в них, как Офелия.

– Ты чего там делаешь, а?

Господи, просто упиялся в экран снов.

– Ничего, – отозвалась я, шустро засунув пасту обратно в холодильник.

– Почему еще не спишь, Ева? – сперва отец появился в дверном проеме, а затем медленно прошествовал ко мне.

– Да вот, – замялась я, вцепившись в кувшин. – Пить что-то захотелось.

Папа разочарованно покачал головой, а затем подушечкой большого пальца прикоснулся к уголку моего рта, стирая остатки шоколадной пасты. Я нечто прохрипела от недовольства и легкого стыда. Понятия не имею, зачем соврала. Просто захотелось.

– Мне кажется, мы мало с тобой разговариваем, – заметил он, усаживаясь на стул.

– Ну, у меня пока нет никаких психических и соматических расстройств, чтобы их обсуждать.

Из-за трясущихся ладоней я немного пролила воду, и тонкой струйкой та потянулась к краю стола.

– Я не только врач, но и отец.

Никудышный.

– Я знаю, пап. Но нечего сказать, правда. У меня все хорошо.

– Ты была таким жизнерадостным ребенком лет десять назад...

– Была, – отозвалась я и залпом осушила свой стакан. – Ты слишком часто вспоминаешь прошлое. Хватит хвататься за него.

– А ты не думаешь о будущем, – спокойно отозвался отец. – Разве это не хуже?

– Там реклама кончилась, – я кивнула в сторону гостиной. – Второй тайм. Пропустишь.

– Если я пропущу твои проблемы, то будет гораздо фатальней.

– Я обрадую тебя, – мой голос повысился, и я вновь ухватила за глиняный кувшин. –

У меня нет проблем.

– Да есть же.

Удар об пол смешался с криком болельщиков по ту сторону экрана. Я тут же опустилась на пол, стараясь поскорее собрать осколки. Благо, на дне почти не осталось воды.

– Как знаешь, – папа покачал головой в привычной для него манере и двинулся обратно в гостиную.

Безнадега какая-то.

Вернувшись, я погасила свет и вновь рухнула на кровать. Каруселью в голове неслись мысли, а я все пыталась сосредоточиться хоть на чем-то отвлеченном. «Интересно, зачем

Артему нужна вся эта ерунда со знакомством? – поинтересовалась я сама у себя. – Могла ли я ему действительно понравиться? Это его упорство просто... удивляет. Разве не возможно, хоть на долю процента, что в нем действительно есть симпатия?..» В тот же миг я отчего-то вспомнила, что никогда не целовалась. Даже по-детски нелепо и по-взрослому развратно. Никогда. Губы вспыхнули одновременно со щеками, и я приложила к ним прохладные пальцы. Затем подушечкой указательного скользнула по нижней губе, глубоко вдохнула и представила влагу чужого рта. Передо мной был юноша, и его запах я не могла спутать ни с чьим иным. Мне казалось, будто наши рты сливаются, а ладонью я впиваюсь в его затылок сквозь шелк графитных волос. Глаза мои сомкнулись, веки затрепетали, а от лица ладонь скользнула ниже. Медленно от груди к животу волнами прибывало тепло и томную сладость.

Интересно, ладони Артема такие же горячие, как мои? Пальцы пробрались под безразмерную футболку, обожгли кожу.

А его дыхание такое же сбивчивое, когда он чувствует волнение от прикосновений?

Ева, хватит! Что ты представляешь? Что ты делаешь?

Тут же я осеклась, и ладонь вернулась в богоугодное положение. Я была отвратительна самой себе в такие моменты. Но не принимать в расчет того, что я была человеком с обычными плотскими желаниями, было глупо. Это нормально. У всех есть фантазии. Все этим занимаются.

Но отчего-то я все равно заплакала.

– Ну же, живее. Те, кто все знал, уже давно сдали свои листочки.

Я ненавидела скрипучий голос Гордовой. Я называла эту учительницу, страдающую комплексом старой девы, по фамилии, потому что предпочитала не загружать себя знанием ее имени и отчества. Так было почти со всеми преподавателями в этой школе, абсолютно скучными и посредственными людьми. Хотя, если на чистоту признаться, дело было не в них, а во мне. В тех школах, куда я ходила до нынешнего переезда, ситуация была точно такая же. Никто и ничем не мог меня заинтересовать. Я чувствовала, что мне уже будто за сорок.

Я накрыла своим листком с контрольной всю стопку и сладко потянулась.

– Все написала? – за спиной звонко прозвучал голос Риты.

– Почти, – через плечо отозвалась я.

– Я решила всего два. У меня плохо с математикой.

Потому что вместо того, чтобы учиться, ты шляешься по впискам.

– Такой склад ума, наверное, – равнодушно заверила девушку я, и та быстро-быстро закивала головой, обрадовавшись тому, как лихо я оправдала ее глупость.

Моя соседка по парте, более чем странная девушка с волосами, нелепо выкрашенными в красно-бурый цвет, многозначно откашлялась. Видимо, она ненавидела постороннюю болтовню, так как с ней никто никогда не разговаривал. Рядом с ней стоял стаканчик кофе из Макдональдса, отчего я даже на капельку позавидовала. Старательно она прятала его за широкими спинами одноклассников впереди.

– Новая тема, записываем... – вновь завопила Гордова. Я пропыхтела от недовольства и приготовилась заполнять тетрадь бесполезными строчками. Но внезапно по своей неуклюжести я выронила ручку, отчего та покатила вперед, почти под ноги амбалов на передней парте. Мне почему-то их беспокоить не шибко хотелось, и я нырнула под стол в попытках дотянуться самостоятельно. Верите или нет, но у меня это почти получилось. Если бы я не качнула стол, а стакан со злополучным кофе не съехал на пол.

Сперва был легкий удар, потом подобие всплеска. Весь класс обернулся и наблюдал, как серо-коричневая жижа через проход ползет к доске. Буквально все замерли и с неким испугом взглянули на Гордову. Учительница зависла на несколько секунд: глаза ее словно кровью набухали, а сама она созревала для мощного мега-крика.

– Кто это сделал?! Встать! – безумно завопила она, отчего я поежилась. – Прудникова, ты! Моя соседка испуганно осела и съежилась. Лицо ее стало белым, как пломбир, а губы будто посинели.

– Светлана Павловна, это моя вина, – я поднялась так резко, что успела удивить разом двадцать пять человек присутствующих.

– Лаврентьева! – опять тот же ор. Мне уже казалось, что ей все равно, на кого кричать. – После уроков будешь мыть здесь полы!

Одноклассники сочувственно начали вздыхать, а стоило мне сесть, как Рита траурно заметила:

– Ты попала...

Мне нужно было вернуться в тот самый класс, когда закончился шестой урок. Нехотя после звонка я оторвала сиденье от стула и, забросив учебники в рюкзак, отправилась прислуживать Гордовой. Толкнув злополучную дверь и ввалившись в помещение, вместо ненавистной учительницы я увидела того, кого не хотела, – другого ученика. Белокурый парень со стрижкой средней длины старательно орудовал веником. Тихонько он насвистывал незамысловатую мелодию, в уши воткнув наушники. Я как можно тише закрыла за собой дверь, взяла второй веник и начала без старания мести грязь с ближнего ряда. Мне хотелось чувствовать, что я здесь одна, поэтому я распустила волосы и максимально накрыла ими лицо, чтобы тот самый незнакомец лишний раз не пялился. Свое монотонное занятие я продолжала уже минуту: даже впала в некий транс, задумавшись о своем. Но из транса этого меня вывела ладонь, которая самым наглейшим образом убрала прядь волос с моего лица. Я даже едва не задохнулась от такой наглости – губы парня растянулись в искренней улыбке и тут же он практически крикнул:

– Ева! Лаврентьева!

– Женя? – переспросила я, глазами впившись в лицо старого знакомого.

– Я самый, – мальчишка ударил себя кулаком в грудь, а потом так сильно скрепил объятия, что я едва не поперхнулась.

– О, неожиданно, – отстранила друга детства, не зная, что и сказать. – Не ожидала.

Я подняла глаза к его лицу и увидела того же Женьку Скворцова, которого знала до десяти лет. Те же белокурые волосы, правильные черты лица, зелено-желтые глаза, сияющие энтузиазмом, искрометная улыбка и правильная осанка. Я узнала даже тот самый шрам на верхней губе – в детстве Жене случайно попали по лицу обломком кирпича во время игры в войнушку. Я всегда была «капитанкой», а он – генералом.

– Странно, что мы учимся в одной школе, а только встретились, – заговорил он.

– Да, согласна, – как-то смущенно пробормотала я, запуская ладонь в медные волосы. – Но я здесь всего две недели учусь. Может, поэтому.

– Все равно странно, – пожал плечами парень.

Конечно, я всегда хожу с опущенной головой, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Если честно, мне было не по себе. В детстве с Женей мы были очень дружны до тех пор, пока отец не решил, что нам пора перебраться поближе к центру. У меня не было интернета, а по телефону почему-то созваниваться мы не стали: казалось, что это довольно постыдно – будто влюбленные. Я знала, какой помнил меня друг – отчаянной, огненной и безудержной. Такой я была. Была. То, что предстало его взгляду сейчас, не соответствовало образу шестилетней давности. Я знала, что превратилась в унылый ком безнадёги и депрессии, пропахший табаком и печалью. Мне было необычайно стыдно за себя. Я даже жалела, что мы встретились.

– Как же все-таки круто, – как заклинание повторял парень. – Очень круто. Общаешься с кем-нибудь из того двора?

– Нет, – покачала головой я, вновь хватаясь за веник. – Давай закончим поскорее.

– Так это ты сегодня тут кофе пролила?

– Он был не моим. И я случайно.

– О, знала бы, как сегодня Гордова о тебе отзывалась, – парень расхохотался. Он разговаривал со мной так, будто между нами не было той пропасти из нескольких лет разлуки. Хотя он всегда был таким, сколько я знала его. И не могу солгать, что мне это не нравилось.

Вскоре мы, общаясь о старом, закончили уборку. Ненароком вспомнили все шалости, войнушки, друзей, врагов и глупые разговоры. Не забыл Женя и упомянуть о том, что здесь учится уже четвертый год. Он был моим ровесником, поэтому оказался в параллельном классе, как раз в том, где классной наставницей была Гордова. С ним было приятно, но я все еще ощущала странную неловкость, которая связывала по рукам и ногам. Я не ставила перед собой цели понравиться и не рассматривала Скворцова как объект для романтических утопий. Просто самой себе я казалась какой—то несурзадной: будто вот-вот скажу глупость, повернусь не так или вовсе вдохну не в ту секунду. Но парень был на удивление лоялен ко мне. Мы даже заболтались немного. Время близилось к трем часам.

– Ладно, – взглянув на время, заявил он. – Не передать словами, как я рад встретить тебя.

Его объятия вновь сомкнулись на моих плечах, а я вздрогнула, на автопилоте сжавшись всем телом. Ростом он был чуть ниже Артема, но рядом с ним я все равно казалась просто кукольной.

– Нифига не выросла, – дополнил свою реплику Женя, и вновь тишину разрезал его добродушный смешок.

– Меня устраивает, – недовольно проворчала я.

– Да я ничего не говорю. Мне пора. Я футболом занимаюсь. В четыре секция, а есть еще хочется. Из-за этого дежурства не поел толком.

Он потрепал меня по волосам, а затем, взяв мою ладонь в свою, положил в нее ключ.

– Отдашь на вахту, Ева. Ладно?

– Конечно, – серьезно ответила я.

Стоило двери захлопнуться, как я сползла на мокрый пол и взглядом уперлась в изъеденный грибок потолок.

Что я делаю не так?

Ровно через полчаса я вернулась домой. Я знала, что сегодня у отца выходной, поэтому надеялась, что он позаботился об обеде. Желудок ворчал, когда я уже поднималась по лестнице. Стоит ли говорить, как громко он загудел, когда, отперев дверь, я вдохнула аромат свежесваренного супа? Я разулась, а в дверях тут же наткнулась на папу. Как скала он навис надо мной, приложил палец к губам, а затем произнес:

– Тише, у меня клиент. Разогрей себе суп и поешь в своей комнате. И не шуми, ради всего святого.

Можно подумать, я танцую от радости, когда возвращаюсь в эту обитель уныния.

– Не буду, честно, – я отстранила отца от себя, а затем на цыпочках засеменила в сторону своей комнаты. Но любопытством я всегда отличалась. Не взглянуть на идиота, который платит деньги моему отцу за бездейственные разговоры, было грешно. Проходя мимо комнаты, которую отец использовал как кабинет, я повернула голову в сторону открытой двери. Тут же зрачки мои расширились, а рюкзак выпал из ослабевших рук.

– Привет, – ладонью махнул мне Артем, восседавший в клиентском кресле, и лучезарно улыбнулся.

К такому жизнь меня не готовила.

Глава 7. Ева и две новые проблемы

От сердца к кончикам пальцев. От кончиков пальцев к вискам. Затем вновь к сердцу. Странное чувство, напоминавшее гибрид шока и смятения, носилось по моему телу, щекоча под кожей. А Артем все смотрел на меня и смотрел, будто так и должно было быть. Хотя здесь и думать ни о чем не нужно: он приперся к моему отцу только для того, чтобы попятиться на меня, уколоть парой фразочек и заставить в очередной раз понять, насколько я несовершенна. Колени расслабились, и я, ухватив портфель крепче, спряталась за стену, чтобы перевести дух. В тишину тут же вплелся мягкий приятный смех Артема. Издевается...

Нет, так дело не пойдет.

Бесшумно я скользнула в свою комнату и захлопнула дверь с таким остервенением и такой силой, будто боялась, что незваный гость вот—вот ворвется сюда. Но нет. Теперь он восседал за гипсокартонной стеной и что-то рассказывал моему отцу. Какие могут быть проблемы у парня, который ездит на «ауди» и улыбается так, что можно рассудок потерять?

Даже не раздевшись, ничком я рухнула на кровать и впечаталась лицом в подушку. Хотелось завывать от бессилия и осознания того, что я попала в чьи-то цепкие лапы. И если раньше я считала, что парень, который находится в пяти метрах от меня, просто пытался разжечь свои будни огнем моих волос, то теперь я вообще не была ни в чем уверена. Лихорадило так, будто я подхватила Эболу или новый вирус-убийцу вселенной. Нет, вы только вообразите.

Он. Там. За стеной.

Тихо я простонала и перевернулась на спину. Глаза мои вцепились в потолок, а руки с ногами раскинулись в разные стороны, как будто вообще отказывались принимать участие в этом цирке. В такой позе я и лежала целый час, пока не удостоверилась, что входная дверь захлопнулась и теперь в доме нет посторонних. Тогда я подскочила с постели и вырвалась из своей темной, как тюремная камера, комнаты в коридор.

Отец выглядел победителем. Самодовольно, но в то же время сохраняя спокойствие, он направился на кухню, включил электрический чайник и уселся на стул. Я в тот момент, наверное, выглядела как эпилептик на грани приступа: мне даже можно было поставить диагноз и без колебаний отправить в дурдом. Но папа, поглощенный осадком после сеанса, молча выступивал незамысловатую мелодию по краю стола в ожидании своего пуэра¹.

– Что он тут делает? – поинтересовалась я, стараясь успокоиться и унять сердце, танцующее тектоник.

– Я психолог, милая. Он – клиент, – отец наконец-то одарил меня чистым взглядом. – Чаю?

– О, – стон сорвался с губ. – К черту чай.

Затем я рухнула на стул напротив.

– А что тебя так удивило? Я же и раньше принимал всяких людей дома.

– Не в том дело, – покачала головой я. – Просто знаю этого парня.

– Знаешь? – удивился отец. – Ничего не путаешь? Откуда?

Конечно, откуда страшненькая школьница может знать богатого красивого парня? Это не кино, папа, ты прав. Но система как-то пошатнулась.

– Да так, – отмахнулась я. – Откуда он тут взялся?

– Как всегда, – мой довольный собеседник пожал плечами. – Просто позвонил. Сказал, что ему меня порекомендовали.

Тебя? Порекомендовали? Окстись!

– И все-таки?

– Ничего сверхъестественного. Чего ты так разволновалась?

Действительно, стоило только заговорить об этом безобразии в моем собственном доме, как тут же руки затряслись, а голос был готов вот-вот сорваться.

– Да ничего. Это не из-за него, – временно я решила сойти с темы. Даже попыталась улыбнуться ностальгически. – Просто встретила друга детства. Женьку. Помнишь его?

– Конечно, – отец удивленно вскинул брови и направился заваривать чай. – Как так получилось? Случайно встретились?

– Еще как... В школе. Представляешь, учусь уже вон сколько, а только увиделись, – поведала я. Даже сама немного отвлеклась. – Он тут давно учится. И футболом занимается. Кстати, от чего ты лечишь этого парня?

Отец медленно наполнил свою чашку зеленым месивом из заварочного чайника, а потом дополнил все это кипятком. Мне нравилось наблюдать, как он заваривает чай. Он обожал любой: черный, зеленый, белый, фруктовый. Я, честно сказать, любви особенной к напитку не питала, но этой маленькой церемонии научилась давно.

– Я не могу тебе сказать. Это непрофессионально с моей стороны. Фактически и практически ты посторонний ему человек.

Вот сейчас обидно было.

– Да, – театрально вздохнув, произнесла я. – Понимаю. Если бы я была врачом, то тоже непременно бы хранила свою врачебную тайну.

Отец заметно напрягся, пытаясь что-то прочесть на моем лице. Я же продолжала:

– Да... Ты не можешь сказать об этом постороннему, но будущему психологу можешь...

– Что? – папа едва не поперхнулся. – Ты хочешь быть психологом?

– А почему нет? – поинтересовалась я, отправив в рот кусочек рафинада. – Прекрасная профессия.

Конечно, я лгала, но знала, что из отца просто так веревки не сошьешь.

– Рад за твой выбор. Но ты пока не психолог. И еще можешь много раз передумать. Я не скажу.

– Ну пожалуйста! – возмутилась я, скривив губы и изломив брови.

– Это противоречит врачебной этике, Ева. Если ты действительно станешь психологом или врачом, то поймешь меня.

Я надулась, нахмурилась и демонстративно отвернулась к окну.

– Фобии, – сдался мой отец. – Ничего особенного.

– И чего он боится? – оживилась я.

– Все, хватит! – папа наскреб всю свою строгость и вложил ее во взгляд. – Тебя это не касается. Делай уроки.

Фраза «Делай уроки» созвучна с «Пошла к черту». Все более чем ясно.

С театральным раздражением я задвинула табурет, на котором сидела, и выразительно взглянула на отца. Мол, еще пожалеешь, что не сказал мне ничего.

– И все-таки психологи – страшные зануды, – поставив точку в разговоре, воскликнула я и почти бегом, чтобы не развивать демагогию, рванула в свою обитель.

Фобии... Чего он может бояться? Собак? Пауков? Высоты или чего там многие опасаются? Артем не казался мне странным или вообще тем человеком, которому нужен специалист. Хотя если поразмыслить, то среди богатеньких давно идет мода на частных психологов. Вроде: «О, у нас столько проблем из-за этих денег. Одни стрессы, от которых не спасает даже белый океанский песок и покупки вроде машины, которая стоит раза в три больше, чем квартира Лаврентьевых». Чепуха. Я не верила во все эти волшебные беседы, которые заставляют тебя забыть о бездне внутри. А она тем временем с каждым днем становится все глубже. Сначала ты копаешь ее ложкой, а затем – огромным экскаватором, загоняя себя в еще большую депрессию. Если бы я верила в реальную помощь, то без сомнений обратилась бы к отцу. Но в последнее время мне стало казаться, что тут даже Бог, существуй он, был бы бессилён. Нет, ни

в коем случае я не жалею себя и не пытаюсь оправдать свою астеническую слабость и меланхолическое раздолбайство. Просто я... Просто.

Шаг. Шаг. Еще. Деревянными ногами я шаркала по заледенелому асфальту, как один из солдат Урфина Джюса². Я чувствовала обжигающую наледь даже через подошвы ботинок, а ветер то и дело упрямо накидывал снег мне в капюшон. В тот момент взглядом я даже не пыталась охватить прекрасный утренний мир, который третий месяц обнимала зима: в половине девятого было все еще довольно темно. Темнота, кстати, если не друг молодежи, то мой друг точно. Даже не знаю, что я любила больше: скроллить «Reddit»³ с куском пиццы в руках или курить, выдыхая дым в ночное небо.

Да, о сигаретах... Чуть не доходя до школы, я остановилась и осмотрелась вокруг на предмет учителей или одноклассников-сплетников. Не то чтобы мне было не все равно... Но расстраивать и без того жизнью обиженного отца лишний раз не хотелось. Считаю, мы всегда оказываемся чуть хуже, чем родители о нас думают.

Я стянула перчатки с рук, затем из бокового кармана сумки достала зажигалку и пачку сигарет. Пальцы мои заледенели через секунду, будто я опустила их в жидкий азот. Но первая затяжка, ударившая в голову, заставила позабыть о том, что я мерзну, и переключиться на свой утренний ритуал. Обычно это занимало не больше трех минут – ну, поджечь, докурить и потушить. Но сегодня все вышло немного иначе.

– Зажигалка есть?

За спиной я поймала девичий голос, который уже однажды слышала. Медленно я обернулась и нахмурилась: передо мной во всей красе стояла Леся и выжидающе пялилась, будто я вот-вот паду ниц и преподнесу ей свою холопскую зажигалку.

– Для тебя нет, – ответила я и вновь отвернулась.

– Да чего я тебе сделала-то? – с недовольным удивлением поинтересовалась девушка.

В тот момент в голове моей зародилась мысль. И правда, что?

– Ладно, на, – я сдалась, протянув «крикет». Леся закурила и вернула зажигалку обратно. И стоит. Стоит рядом, не уходит. Черт.

– Спасибо, – выпустив клуб серого дыма, сдержанно произнесла она. – Давно куришь?

Да какое тебе дело? Это мое место, моя курилка. Вали отсюда, отличница легкого поведения.

– Три года, – соврала я и вновь поглядела на собеседницу. Темнота рассасывалась, и я могла получше разглядеть Лесю (хотя, если честно, мне было вполне наплевать). Ее светлые пряди, торчащие из-под шапки, доставали почти до груди, а брови были темные, совсем не в тон волосам. Хотя то, что ей так идет, нельзя было отрицать. Алеся была обладательницей больших выразительных глаз какого-то неуловимого цвета – то ли желтых, то ли серых, то ли еще каких. Одетая она была по-простому, но стильно. Мне нравилась ее черная стеганая куртка, обычные узкие брюки и сапоги, достающие почти до колен. Единственное, что раздражало, так это шапка цвета детской жевательной резинки – принцессно-розовая. Но блондинке, которая прикидывается сахарной отличницей, такие вещи позволительны.

– Я тоже давно. Только никто не знает.

– Кроме меня, – пришлось самодовольно хмыкнуть.

– Ну, ты же не скажешь никому? – девушка глубоко затянулась и выразительно взглянула. – И не говорила никому про тот раз?

– Можно подумать, кому-то это интересно, – пожала плечами я. – А если даже кому-то и да, так точно не мне. Зачем ты притворяешься, что вся такая правильная? Тебе самой не тошно, что прячешься тут с сигаретой в ссаном дворе?

– Ты не притворяешься, но все равно прячешься, – скептически повела бровью Леся. – Просто мои родители делают для меня слишком многое. Не думаю, что они заслужили знать, что такое «трудный подросток». К тому же, сдерживая себя, учиться гораздо проще.

– Я прячусь здесь, чтобы не расстраивать отца, – вступилась я за саму себя.

– Вот видишь, та же хрень, – новая знакомая пожала плечами. – Как тебя, кстати, зовут? Забыла спросить.

– Ева, – мрачно отозвалась я, взглянув на сигарету. Оставалось еще, по крайней мере, несколько затяжек. Не сказать, что мне было неприятно Лесино общество, но мне она казалась довольно въедливой.

– Алеся. Леся, – представилась девушка. – Зови как хочешь.

Лживая сука подойдет?

Ее сигарета почти истлела. Курила она явно быстрее меня и с большим наслаждением. Как-то профессионально, что ли...

Внезапно из темноты двора послышался стук двери и скрипучий ор дряхлой бабки. Закутанная в тряпье, она неслась прямо на нас со скоростью, которую ученые еще не смогли открыть. «А ну-ка пошли отсюда, малолетние курилки!» – хрипела она, а из ее рта вырывались ключья пара, будто она дышала огнем. И если первое время бабка бежала, опираясь на палку, то через несколько секунд она воздвигла ее над головой и начала махать в разные стороны. Скорость ее неизменно увеличилась, и мы, бросив бычки под ноги, рванули в сторону переулка. «Я пожалуюсь директору вашей школы, проститутки!» – продолжала она кричать вслед. Нам ничего не оставалось, кроме как бежать. Делали мы это не так молниеносно, как карга. Я отставала от Леси, которая явно преуспевала в занятиях спортом. Заметив это, новая знакомая ухватила меня за рукав, затем за руку, и через минуту мы уже почти стояли за одним из домов недалеко от школы. Почему почти? Неожиданно затормозив, Алеся поскользнулась на неровной наледи и с полувизгом «Ай-яй-яй» задницей рухнула на землю. Нетрудно догадаться, что невзначай она потянула за собой и меня. Обе мы валялись на земле, пока внезапно громко не засмеялись в унисон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.